



Пролог

Доверяй своему сердцу.
Три коротких слова, способных любого
привести к гибели.

Мама довольно рано научила меня не доверять своему сердцу. Оно коварно, переменчиво, и из-за принятых по его велению решений в итоге приходится переживать разочарования. Доказательством тому служат шрамы. Достаточно взглянуть на ее лицо, чтобы вспомнить, какую боль может причинить сердце.

Доверяй своему разуму.

А вот эти три слова уже не раз спасали мне жизнь.

Сердце желало верить юному эльфу-моряку, когда тот клялся, что любит меня, но я знала правду. Он хотел заполучить мое тело, доступ к трону и моим драконам. Ему не была нужна я,

Двор драконов

Рен, своенравная девушка, сражавшаяся наравне с мужчинами и выпивавшая не хуже жены рыботорговца.

Только мне исполнилось шестнадцать, делегация с юга начала предпринимать попытки задобрить мою семью и мой народ, заваливая нас дарами и предлагая дружбу. И пускай меня интересовала новая культура и манила перспектива завести друзей, я запрятала свои мечты подальше и решила подходить ко всему с холодной головой. Темным эльфам нужно лишь одно. Наш трон. Ничего не менялось вот уже пять сотен лет.

Согласно легендам, нас всех породили флора и фауна этого мира. Приятная сказочка на ночь, но истина совсем иная.

Нас породили жадность, зависть, эгоизм и отчаяние.

Мы рождены воинами.

Сердце тянулось к сказкам, но разум осознавал реальность.

Эльфы приближаются.

Приближается и песчаный народ.

Между врагами и нашими драконами стою только я.

И я не подведу.



Глава первая

Рен

Утром в день свадьбы Рен на чистом и ясном небе ярко светило солнце, в Лорне это действительно считалось настоящим чудом. Девушка откинула голову, позволив полуденным потокам теплого ветра ласкать кожу. Будь здесь ее дедушка, он бы заявил, что сегодняшняя погода поистине доброе предзнаменование.

Приоткрыв один глаз, Рен окинула взглядом южный пляж. Волны лениво, не спеша накатывали на черный песчаный берег. И правда хороший день. За последний месяц Рен уже и забыла, что такие бывают, ведь до этого на море не прекращался шторм, на песок с неудержимой яростью обрушивались беспокойные волны, на суше становившиеся соленой пеной и оставлявшие после себя кучи водорослей и обломков. Около двух недель над островом густились не-

проглядные тучи, и постоянно лило как из ведра. Еще вчера ветер сотрясал крыши и ревел подобно дикому зверю, однако уже сегодня Рен не заметила на небе ни облачка, и у солнца появился крошечный шанс осветить самый торжественный из дней.

— Ты наконец утомилась, дочь? — донесся до нее мелодичный голос матери.

Рен приняла сидячее положение, провела пальцами по маленьким сиреневым бутонам цветов, росших на лугу, и постаралась сквозь упавшие на лицо рыжие спутанные локоны рассмотреть направлявшуюся к ней по ближайшему холму мать.

— Никогда, — отозвалась она. Ее мама ухмыльнулась и стала спускаться по небольшому склону.

Рен снова улеглась и примяла спиной растения, которые отлично подошли на роль мягкой подушки. Девушка сделала глубокий вдох, желая насладиться свежим воздухом и тишиной, ведь понимала, что всего через несколько часов начнется празднество. Ветер, море и земля всегда с ней говорили, они заставляли ее бежать быстрее, нырять глубже и выкладываться по максимуму. Папа любил подмечать, что у нее необузданный дух, и на этот счет их мнения совпадали.

Мать остановилась недалеко от дочери, загородив собой солнце.

— Вижу, ты отлично проводишь время.

На лице девушки появилась легкая улыбка. Мама знала, где ее искать. Рен похлопала по земле рядом с собой:

— Посиди со мной немного.

Зашуршала ткань, и нависавшая над Рен тень ускользнула. Анака со вздохом запустила пальцы в волосы дочери, и та от удовольствия прикрыла глаза. Придвинулась ближе к матери и подняла веки. Анака прилегла рядом, подперев голову рукой, и посмотрела на дочь с теплой улыбкой. Женщина покоряла своей красотой. Каштановые волосы с золотистым отливом, белоснежная кожа и выразительные глаза. Ее возраст выдавали лишь несколько серебристых прядей и едва заметные морщинки в виде гусиных лапок. Многие подданные по ошибке считали Рен и ее мать сестрами.

— Вот бы у меня были волосы, как у тебя, — пробурчала Рен. Ее огненная грива уже много лет отравляла ей жизнь. Никогда не удавалось смешаться с толпой или спрятаться, потому что кто-нибудь обязательно ее узнавал.

Анака усмехнулась и взъерошила волосы дочери.

— Всем нам хочется того, чего у нас нет.

— Я могла родиться с любым оттенком рыжего: медным, золотисто-каштановым, бледно-оранжевым, темным, в конце концов. Но нет. На острове ни у кого нет настолько ярких волос.

— Тебе идет. Очень смелый цвет, в твоем духе, и еще он к удаче.

— Знаю, у нас рыжий считается счастливым, — закатила глаза Рен, — вот только мне он удачи не приносил. Только неприятности.

Ее мама мягко засмеялась, села на траву и ладонями обхватила щеки Рен.

— Поверь мне, дочь, это никак не связано с твоим цветом волос, скорее с твоими поступками. Ты неспособна держаться подальше от проблем. — Она игриво пошевелила бровями. — Но скоро я перестану нести за тебя ответственность. И с твоими нравом и выходками придется мириться твоему мужу.

Вспомнив о том, какой сегодня день, Рен ощутила, как от нервов свело желудок.

Мужу.

Осталось совсем немного времени, и она выйдет замуж. Станет чьей-то женой.

— Любовь моя?

Она снова обратила взор на мать.

Анака пристально посмотрела на Рен, убрала руки с ее щек и поправила собственные волосы, зачесав их за слегка заостренные уши. Эльфий-

ские. Ее мама родом из северного королевства, Верланти, оттого она обладала заметными эльфийскими ушами. Но Анака однажды призналась Рен, что ее отец на самом деле был уроженцем другого королевства, Вэйдона, находившегося намного южнее Лорна. Из-за стоявшего там зноя даже воздух обжигал язык. Такое просто не укладывалось в голове.

Через мгновение Анака взялась вертеть свои неброские сережки и снова привлекла внимание дочери.

— Ты частично знакома с моей историей, — произнесла она мягко и снова отвела взгляд.

Рен тяжело сглотнула. Прошное ее матери походило на мрачную, жестокую сказку. Ее похитили, забрали из семьи фермеров, чтобы доставить к верховному владыке в качестве наложницы. Анака боролась, но этого было недостаточно. Владыка грубо отнял ее невинность, а после позволил развлечься с ней своим людям. Лишь от одной мысли об этом Рен становилось мерзко. Она стала плодом изуверства, насилия.

— Я понимаю, каково это — оказаться в ловушке. Чувствовать, будто выхода нет. — Мать смотрела дочери прямо в глаза с непроницаемым выражением лица. — Но у нас сложилась неплохая жизнь на этих островах с твоим отцом.

— Папа хороший человек, — согласилась Рен. Он безумно любил ее мать и воспитывал Рен как собственного ребенка.

— Хороший, но, если бы ты захотела, я бы тут же тебя отослала.

Рен от изумления широко распахнула глаза и непроизвольно приоткрыла рот:

— Что?

Анака не отводила глаз:

— Ты и твоя сестра самые драгоценные дары, данные мне жизнью. Понимаю, ты дала Роуэну обещание, и у отца на твое будущее есть определенные планы, но это все ничего не значит, если ты захочешь отказаться.

— Думаешь, я не хочу замуж?

Мать выпрямила спину и смахнула с платья Рен лист.

— Что ты! Уверена, ты любишь этого мальчика. Просто хочу, чтобы ты знала, что для меня важнее всего твоя судьба, и если у тебя есть сомнения, на пристани ждет корабль, готовый взять нас на борт и немедленно отчалить.

Теперь уже лежать не могла Рен, она села и убрала волосы от лица.

— Ты бросишь папу?

— Я искренне люблю твоего отца, но ничто не сравнится с любовью матери к своему ребенку. Ради твоей защиты я готова на все.

Рен потянулась к рукам мамы и сильно их сжала. Любому другому человеку такое предложение показалось бы радикальным, но Рен могла оценить его в полной мере. Ее мама обладала сердцем дракона. Никто и ничто не способно разорвать их крепкую связь.

— Я правда очень этого хочу, — тихо произнесла Рен. — Нервозность, которую у меня не получается скрыть, — обыкновенный предсвадебный мандраж. Я еще не жила с мужчиной. Не бойся, наш брак станет увлекательным приключением.

Анака тут же расслабилась, и вся ее серьезность испарилась.

— Рада слышать. Просто хотела убедиться.

— Ты бы правда сбежала со мной? — спросила Рен.

— Хоть на край земли, дочь.

— Папа пустился бы на поиски.

Анака лишь усмехнулась:

— Предпринял бы попытку.

Рен не сдержала улыбки. Ее матери прекрасно удастся заметить следы. Никто не сможет ее отыскать, пока она сама того не пожелает.

— Раз мы все обсудили, мне думается, пора возвращаться. — Анака поднялась на ноги и потянула дочь за собой. — Продолжим лежать здесь, и наша одежда совсем промокнет, — сообщила

она Рен и в доказательство подобрала влажный от росы подол платья.

Рен лишь хихикнула:

— Что-то мне подсказывает, что в этом мы на мою свадьбу не пойдем. — Она покосилась на собственную поношенную рубаху. У нее не было необходимости носить настолько дрянной наряд, но отправляться на пробежку в более дорогой одежде казалось по меньшей мере неразумным. Зачем портить то, на что кто-то потратил много часов упорного труда или кучу золота?

Анака фыркнула:

— Дай тебе волю, и ты бы явилась на свадьбу в брюках.

— Мы все-таки живем на островах, — возмутилась Рен. — Только эльфы придерживаются строгих правил этикета в моде.

Мать попыталась щелкнуть ее по закругленному уху, но дочь успела увернуться. Пускай в Рен и текла эльфийская кровь, ее закругленные уши сообщали о человеческом наследии, и она считала это подарком. Верлантийцы славились своей жестокостью, безразличием и эгоизмом. Оттого ей и не хотелось, чтобы в ней признавали эльфа.

— Что бы подумал Роуэн, если бы увидел тебя сейчас? С листьями и ветками в волосах, — журила ее мама.

— Был бы разочарован, что они оказались там не по его вине, — парировала дочь.

— Если пытаешься меня шокировать, придется постараться получше.

Она вздрогнула. Мама предпочитала не распространяться о личной жизни; впрочем, это не мешало ей верить, что образовываться нужно всесторонне, и это порой расстраивало отца. Даже сейчас Рен припомнились некоторые объяснения, и в голове возникли картины, от которых она бы с радостью избавилась.

Отряхивая испачканную одежду, Рен посмотрела на примятую босыми ногами траву.

— Мне кажется, если бы я захотела, Роуэн взял бы меня в жены и в этом.

— Он взял бы тебя в жены, в чем бы ты ни была, лишь бы к концу дня ты стала его, — подметила Анака.

Рен залилась краской и неуверенно поправила растрепанные волосы. Она не считала, что наряжаться это плохо, просто, когда выдавалась возможность, выбирала брюки, ботинки на шнуровке и кожаный жилет, ведь в крепости, на официальных мероприятиях, была вынуждена носить платье. Так ее воспитывал отец — словно девочку-хамелеона, как однажды ее прозвал торговец с континента.